

«ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ»

МИЛЛИАРДЕР

В. ЦВЕТОВ

РАССКАЗЫВАЮТ, что некий китайский император решил увековечить память о себе. Он призвал придворного летописца и повелел записывать мысли, которые станут изречениями. На вопрос летописца, как будет назван труд, император ответил: «Тысяча и одна истина». Сидевший рядом шут тотчас внес поправку: «Тысяча и одна сказка». Остроумие шута было немедленно наказано тысяча и одним ударом по пяткам. Молва о печальной участи шута быстро разнеслась по Поднебесной, и с той поры жители империи вынуждены были почитать «Тысячу и одну истину» наравне со священными книгами.

Конечно, не угроза наказания — причина популярности у многих японцев тысячи и одной «истины» Коносуке Мацусита — бывшего хозяина концерна «Мацусита дэнки». Летом 1973 года престарелый Мацусита ушел с поста председателя совета директоров, но остался крупнейшим акционером четвертой в мире по объему производства продукции радио- и электротехники «империи». Мацусита написал трактаты «Каким быть человеку», «Какой быть промышленной компанией», «Каким быть обществу», «Путь к миру, счастью и процветанию», в которых поведал людям свои «истины».

Распространению философских откровений Мацусита служил ежемесячник «Пи-Эйч-Пи», названный так по начальным буквам английских слов «мир», «счастье», «процветание». Мацусита издавал его на собственные деньги. Тираж журнала — 500 тысяч экземпляров — беспрецедентный для японских ежемесячников.

В начале века 20-летний Мацусита, не имевший даже начального образования, попал из деревни в город и нанялся подмастерьем к мелкому хозяйчику. Накопив денег, Мацусита открыл в 1918 году собственное дело — кустарное производство штепселей. А через

50 лет основанный им концерн «Мацусита дэнки» возглавил список японских концернов, получающих наибольший годовой доход. Самым богатым в Японии стал и Мацусита. Его личный годовой доход превышал 800 миллионов иен. Спросите у японца из средних слоев, чей жизненный путь он хотел бы взять за образец, и шестеро из каждого десятка опрошенных ответят: Коносуке Мацусита.

Не вдруг и не сразу сформулировал Мацусита свои «истины». Еще в 1929 году он составил свод «принципов» концерна. «Главной заботой рабочих», — гласил один из «принципов», — должны быть прибыли «Мацусита дэнки» и социальная гармония на предприятиях. Рабочие должны «выполнять свои обязанности, отдавая делу всего себя и следуя духу согласия и сотрудничества», — указывалось в другом.

Несколько лет спустя к своду «принципов» Мацусита добавил «моральный кодекс». В нем он призывал «служить родине посредством упорного труда», «повиноваться и быть скромным», «быть благодарным и отвечать добром на добро». «Принципы» и «моральный кодекс» легли в основу философской системы Мацусита, в которую он впоследствии включил самые разнородные концепции — от нравоучений Конфуция до постулатов Гэлбрейта, автора теории о «новом индустриальном обществе».

Как же случилось, что уродливое по своей эклектичности философское сооружение, архитектура которого держится на подпорках из новейших теорий о «примирении труда и капитала» и о «новом индустриальном обществе», привлекло внимание средних слоев японского общества?

В эпоху научно-технической революции массовое применение в капиталистическом производстве научного и инженерного труда привело к усилению эксплуата-

ции служащих и интеллигенции, которые, чаще включаясь в анти-монополистическую борьбу, в то же время вследствие своей противоречивой классовой природы колеблются между пролетариатом и буржуазией, проявляя к социализму, как говорил В. И. Ленин о мелких буржуа, то «пылкую любовь», то «подлую измену»¹. Мацусита, учитывая эту сущность среднего слоя, стремится удерживать его в повиновении у монополистической буржуазии и одновременно пытается задобрить обещаниями лучшей жизни в будущем. Он дает рецепт, как без какой-либо ломки привычных порядков создать «общество великой гармонии в отношениях между людьми». Мацусита отказался от вконец скомпрометированной выдумки о царстве небесном, где трудящимся сторицей заплатят за адские мучения на земле. Он приблизил рай к земле, но не настолько, чтобы современники смогли уличить его в обмане, пообещав через 250 лет рождение «общества великой гармонии».

«Радостный труд приносит прекрасные результаты. И создает процветающее общество», — добавляет он. Мысль, несомненно, созвучна представлениям японцев, которым свойственны деловитость, дисциплинированность, трудолюбие. Однако лицемерие миллиардера очевидно.

Рабочие «Мацусита дэнки», которые «самоотверженно и честно» трудятся на конвейерах, у кибернетических систем управления, зарабатывают в среднем 57 тысяч иен в месяц. Заработная плата работников — 40 тысяч, а прожиточный минимум семьи из четырех человек превышает 153 тысячи иен. Чтобы свести концы с концами, рабочие концерна вынуждены соглашаться на сверхурочный труд. Так, в 1969 году они работали сверхурочно 30 часов в месяц.

Насколько нелегко труд на заводах «Мацусита дэнки», можно судить по высказываниям рабочих, приведенным газетой «Акахата». «У меня был сильный насморк, но из-за высокой скорости конвейера я не мог даже высморкаться», — рассказал один из них. — Я страдал от удушья, головной боли. Стоило огромных усилий ни разу не пропустить возложенную на меня операцию». Другой рабочий дополнил: «Скорость конвейера такова, что с трудом успева-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 306.

ешь проставлять на карточках условный знак, когда замечаешь бракованную деталь».

Действительно, работникам «Мацусита дэнки» не откажешь в «самоотверженности». Их труд и впрямь — «прозрачный источник», откуда Мацусита черпает баснословные прибыли. «Утром, когда первые лучи солнца окрашивают небосвод, в кармане у Мацусита становится на полтора миллиона иен больше. Даже ночью, когда Мацусита спит, его состояние ежедневно увеличивается на 60 тысяч иен». Таков сделанный японским журналистом Икко Симидзу в 1969 году подсчет доходов Мацусита от предприятий концерна. Двумя годами позже каждый час богатство Мацусита возросло уже на 97 тысяч иен, каждые сутки — на 2,3 миллиона.

«Если хочешь получать многое, нужно и отдавать многое,—поучает Мацусита.—Если бы мир состоял лишь из людей, желающих много получать, столько же не отдавая, прекратился бы прогресс». Работники «Мацусита дэнки» отдадут концерну единственное и самое ценное, что имеют,—силу своих рук и ума. Как «воздаст» за получаемое Мацусита? Концерн оплачивает работникам только два из восьми часов рабочей смены, то есть 75 процентов времени трудятся рабочие и служащие концерна на хозяев и лишь 25 процентов — на себя.

При современном уровне развития производства существует объективная потребность в сотрудничестве рабочих и служащих с руководителями предприятий. Но между трудящимися и предпринимателями — непреодолимая стена классовых противоречий. Мацусита вознамерился уничтожить эту стену. Он спекулирует на существующем у японцев представлении, что человек обязан быть преданным отцу, семье, даже если они суровы и несправедливы к нему, что рано или поздно вознаграждаются бескорыстие и смирение. В «философии» Мацусита семья заменена компанией, а место отца занял предприниматель. В компании «Мацусита дэнки» единению труда и капитала в одну семью придана и организационная форма. Перед работой и по окончании смены все работники «Мацусита дэнки» выстраиваются у конвейеров и станков и хором поют гимн компании.

По утрам, после гимна, рабочие, выстроившись в шеренги, декламируют «Семь заповедей Мацусита»: трудиться упорно и добросовестно, повиноваться и

быть скромным, быть благодарным и отвечать добром на добро и т. д.

Проповеди, распевание гимна, хоровая декламация заповедей имеют и другое назначение. Мацусита пытается врачевать этим «намари» — своего рода профессиональное заболевание работников автоматизированных предприятий, принявшее в концерне характер эпидемии.

На автоматизированных предприятиях капиталистического общества человек превращается в обезличенный придаток автомата, в бездумного робота, лишенного ощущения общественной значимости своего труда и потому безразличного к его конечному результату. Это психологическое состояние — в Японии оно получило наименование «намари» (дословно — «притупление») — сильно влияет на графу в бухгалтерских книгах, куда заносятся прибыли.

Газета «Нихон кэйдай симбун» привела симптомы «намари» — пессимизм, безразличие к работе, непочтение к начальству, критическое отношение к существующему строю. Газета с тревогой отмечала, что пораженные «намари» работники перестают творчески мыслить, обязанности выполняют механически, отказываются от чтения технической литературы, проводят досуг у телевизора, за порнографической или детективной книжкой.

По мнению газеты, лечить «намари» надо занятиями спортом, каким-нибудь «хобби», путешествиями. В начале прошлого века японские медики лечили обмороки, громко выкрикивая имя больного в домашний колодезь. «Нихон кэйдай симбун» предложила нечто подобное, забыв, видимо, что «намари» — недуг социальный, перед которым бессильна медицина.

Японские капиталисты пытаются бороться с «намари» разными способами, идут на всякие ухищрения, чтобы пробудить в трудящихся творческую активность. Президент текстильной компании «Юнитика» Кэндзо Обата, например, открыл на фабриках и в конторах бесплатные бары, где проводит вечера вместе с рабочими и служащими, штрафуя их, если они обращаются к нему «господин президент», а не просто «Обата». Глава фирмы «Тайё когё» в обеденный перерыв делает рабочим массаж. Коносукэ Мацусита оборудовал на заводах «комнаты смеха».

Однако «намари» не идет на убыль ни в «Мацусита дэнки», ни в «Юнитика», ни еще где-либо.

Статистика трудовых конфликтов в Японии свидетельствует, что никакие приемы социального обмана не в силах ослабить недовольство эксплуатируемых масс.

Не так давно газета «Асахи» вынуждена была признать, что «за последние 15 лет японская экономика выросла и окрепла за счет низкой заработной платы и упорного труда. Но те, кто вывел страну на второе место в мире среди капиталистических стран, по-прежнему бедны. Богатая страна населена бедняками». В самом деле, за пятилетие, окончившееся в 1972 году, производительность труда повысилась в Японии на 99 процентов, а реальная заработная плата трудящихся — только на 63 процента. За тот же период прибыли крупных компаний выросли в 2,3 раза. Говоря о японской экономике, за рубежом нередко употребляют слово «чудо». Однако это слово применимо, пожалуй, лишь к доходам монополистов.

Массовые выступления японских трудящихся угрожают «чудесным» прибылям. Ежегодно в Японии 10—11 миллионов человек участвуют в забастовочном движении. В него вовлекаются новые социальные слои, ранее стоявшие в стороне от классовых сражений. Это и побудило Мацусита сформулировать свои «тысяча и одну истину». Подобно многим другим идеологическим средствам воздействия на трудящихся, выработанным буржуазией, философские «сказки» Мацусита призваны затуманить сознание, привить трудящимся интересы и устремления, которые помогали бы сохранять в неприкосновенности устой капитализма. Как тут не вспомнить разглагольствования в самую цель слова В. И. Ленина: «...Без масс не обойтись,— писал он,— а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма нельзя вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглирования модными и популярными словечками, обещаниями направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»².

Коносукэ Мацусита мнит себя мессией, явившимся спасти японское «экономическое чудо», избавить капитализм от потрясений, чреватых гибелью. Спасти то, что обречено историей, невозможно.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176.